

ТЕОРИЯ ПРАВА

В.В. Лазарев*

ПОИСК НАУКИ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ (научно-публицистическое эссе)

Аннотация. Статья содержит суждения о научном подходе к изучению государства и права, а также некоторые критические оценки о состоянии отечественной юридической науки. Автор ведет поиск науки в трудах отдельных ученых, в научных коллективах, в учреждениях, но находит ее в виртуальной сфере. И вновь задает вопрос о правоте тех, кто не считает право и государство объективной реальией, а видит здесь своего рода социальный конструкт, а поиск перемещает в область виртуальной реальности, где место достоверных истин заменяют образы и символы реальных вещей, где доказательства *ad hominem* рассчитаны совсем не на строгие ценности науки. Отсюда подвергается сомнению критерий научности исследовательского метода и сама наука не отделяется от мифа, религии и пр.

Ключевые слова: юриспруденция, наука, ученый, школа, труды, оценка, результаты, реальность, виртуальность, модернизм.

Все начиналось с «Поиска права»¹. Безуспешно пытался я вести его, пока умные люди не подсказали: с государства надо начинать, вне связи с государством право неуловимо. Пришлось предпринять «Поиск государства»². И вновь оказалось, что черную кошку в темной комнате пытался поймать. Как шторы не раздвигал, сумерки сплошные. А что увидишь в сумерках, если ты не Тициан? Искать следует в свете и в цвете. Но каждый, оказывается, больше видит в своем. Караваджи в одном, а Леонардо в другом. На некоторых полотнах нет четких границ: все размыто, проникает одно в другое, дышит, живет, пробуждает фантазию. Христа вижу, измены вижу, стену плача зрю, а багровые льды государственного айсберга остаются не доступными. Из тьмы выскакиваю, но тверди не ощущаю. Болотная хлябь под ногами плывет

и никаких кувшинок. Ни Моне, ни Мане, ни розовых, ни голубых картинок размытого государственно-правового пейзажа. Но умные люди и здесь не оставили без совета: не импрессионизм, а экзистенциализм твой свет, присмотрись в строгом свете НАУКИ.

Начинаю поиск науки. Опасный во всех отношениях. Обид не оберешься. Укажешь на толстенный фолиант, который освещает истинный путь, а он для кого-то гроша ломаного не стоит. На отъявленного атеиста можно попасть. Авторы (творцы науки) тоже разные. На их счет слышались весьма нелестные мнения то ли от Лао цзы («ученые не бывают умные»), то ли от Руссо с Иоганном Фихте, которые в сословии ученых видели источник и средоточие всей человеческой нищеты и испорченности: те, которые должны были своей эпохе задавать мудрый и строгий тон, старательно прислушивались к тону, который задавали безгранично господствующая глупость и безгранично господствующий порок. Очевидно, речь шла об «ученых хлеба

¹ См.: Журнал российского права. 2004. №7.

² См.: Лазарев В.В. Избранные труды. Т. III. М.: РИО «Новая юстиция», 2010. С. 366–381.

© Лазарев Валерий Васильевич

* Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

[yalazer@rambler.ru]

123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ради» (Шиллер), которые и сегодня все никак не переводятся, хотя хлеб с маслом получают теперь совсем другие сословия. Не убедила и лекция известного физика и писателя Чарлза Сноу («Две культуры»): ученые не хуже других людей, элемент моральности включен в самый процесс научной работы и в самой науке заложена идея справедливости. То ответ не менее известному писателю и философу экзистенциалисту Жан-Полью-Сартру, вещавшему во времена известных студенческих волнений прошлого века: «А если бы начали сжигать профессоров, то я и тут не увидел бы ничего плохого, потому что некоторые из них преступники. Но фактически я настаивал бы, чтобы их поддержали какое-то время в одиночных камерах, подобно книгам и картинам во время войны...»³. Тем основательней становится интрига — надо найти эту самую науку, чтобы «обсудить на свежую голову», что она дает и что с ней делать.

Да где ж она эта юридическая наука? На Западе или на Востоке? В каком тридевятом царстве и тридесятом государстве? Хороша ли собой? Стройна ли? Умна ли, наконец? И причем здесь личные качества ученых? Не лучше ли посмотреть на их труды? На законодательство? На комментарии оногo? На то, как правосудие вершится? Как вообще жизнь складывается? Заранее предвижу возражения: причем тут наука, если и трудов тех никто не читает, если к зову ее не прислушиваются? Властвуют политика и экономика! Экономический и политический интерес! Суть социальной экзистенции в прагматике: что полезно, то и истинно.

Таким образом, поиск и состояние юридической науки не следует связывать с тем, в какой степени и насколько адекватно входит она в экономику и политику. Политика, как известно, «дама ветренная». Экономика «дама рассудительная и прагматичная». Ветреной даме часто отдают предпочтение. Есть еще родная сестра политике — идеология. Науке она также сестра, но неродная. Она с успехом может метаться от науки к политике и наоборот. Дамы ревниво предъявляют свои требования (вызовы) друг другу, и науке приходится возвыситься над разными интересами, чтобы дать адекватный, соответствующий исторической истине ответ. Ему мы всегда отдаем предпочтение и очень печалимся, если науку забыли, оттеснили, не призвали, не спросили и т.д. В России, мягко скажем, это случается. Но еще хуже, если сама призванная наука курвится. Прочитал в одной

книжке: «В общественных науках России произошел невиданный в истории других стран переворот: все юристы, экономисты, философы поголовно, по команде сверху сменили свои «убеждения» на 180° (...материя первична, сознание вторично. Но если нам прикажут и сверху нам укажут, то всякий запоет совсем наоборот...)⁴. С начала 90-х гг. прошлого столетия Россию охватила эпидемия своего рода идиосинкразии к трудам классиков марксизма, к ленинским работам в особенности. Распад СССР и сокрушение роли КПСС способствовали такого рода диссеминации. Уже одно упоминание имени, ссылка на Ленина влекли отвержение цитируемого положения. Никто не пытался осмыслить его по существу, расценить в контексте событий того времени. Кстати, иногда это были и вовсе не ленинские, а аристотелевские, например, положения. Срабатывала реакция на символ. Точно так же идиосинкразически реагировали (хотя и по-разному в разное время) на имена Троцкого, Бухарина, Сталина. «Роман Пастернака не читал, но ...». В политике, в публицистике это уместно, но наука в подобных случаях уподобляется известной унтер-офицерской вдове. Яркий пример с оценкой трудов Г. Кельзена. Им была написана небольшая работа по критике коммунистической теории права, и уже одно это обстоятельство обуславливало болезненную реакцию на его имя в советское время, несмотря на то, что России всегда были близки позиции нормативистской теории права. Труды Кельзена не издавали, их мало кто знал, но считалось уместным «лягнуть» его при случае. Сегодня, наконец, намечается объективный анализ его творческого наследия. К нему можно идти в поиске юридической науки!

Взаимоотношения политики, экономики, идеологии и науки протекают в социокультурном контексте. Культурный уровень, который «никакому закону не подчинишь» определяет отношения людей в любой сфере. Он, в свою очередь, подвергается воздействию со стороны означенных «сестер», но способен проявлять здесь завидную устойчивость. Сменяющиеся одна другую моды на разные культурные и псевдокультурные ценности все-таки преходящи. Поэтому юридическая наука должна, во-первых, откликаться на вызовы общей и правовой культуры, во-вторых, поддерживать устоявшиеся культурные традиции, удовлетворяющие интересам народа, и, в-третьих, сопровождать рекомендациями действия

³ «ЛГ». № 46. 14 ноября 1973 г. С. 11.

⁴ URL: http://lit.lib.ru/t/tille_a/text_0010.shtml

власти, которая в рамках закона решительно препятствует явлениям коррозии легитимных культурных ценностей.

Ух! Рассуждения о том, что юридическая наука в принципе должна быть и где она должна быть, можно вести бесконечно. Где она есть? Продолжаю поиск.

Для начала (чтобы от сестер отличить) приходится запастись портретом. Много их было и до сего времени не один в обиходе (точной, бесспорной цифровой карточки нет), но для ориентира сгодится любое описание. При этом мы понимаем, что наука рождалась в далекие времена, была дитятей, юной, молодой; становилась зрелой, в чем-то старилась, а в чем-то омолаживалась до неузнаваемости. В модном макияже пребывала... Но наука всегда представлялась как особого рода деятельность особой породы людей, творящих, выражаясь современным научным языком, **концептуализированную совокупность верифицируемых знаний о том, что есть и что может быть в мире идей и мире вещей в пространственно-временном и субъектном измерении.**

Итак, есть описание и я знаю, что ничего пока о незнакомке не знаю. Помню только, что похожая глубоко научная истина родилась в устах Сократа, творившего науку в жарких спорах с софистами на афинском базаре. Вот, думаю, где надо искать. Сегодня повсюду и повсеместно базар властвует. Наука же это то, на чем вся цивилизация держится, и на рынке, должно быть, на самых первых прилавках увижу. Тем более, что юридическую науку спрашиваю — она ведь о том, на чем и верхи и низы держатся, по чему каждый шаг сверяется. Она только экономической науке уступает (вспомните, какую громадную сумму в валюте иностранцы заплатили за брошюру, написанную в соавторстве отечественными экономистами в начале славных 90-х !!!).

И что же? На что идут престижные инвестиции, кого покупают? «Анжи» покупает... 35 млн долларов за игрока... А ИГП РАН — никого! «Зенит» покупает за двадцать с чем-то... А юрфак СПГУ — не слышно, хотя бывший декан факультета, а ныне ректор университета весьма влиятельная фигура. А ведь как было бы здорово заполучить, например, того игрока из США, который глобальные политико-правовые «фигуры» на великой шахматной доске расставляет... Или сложиться с экономистами, да и на Сороса замахнуться?! Готов держать ответ за иронию. Тем более, что мне известны примеры, когда западные профессора-юристы «играют» в российских клубах. Я знаком с «генералом холодной во-

йны» Кристофером Осаке, блестящим американским профессором, издавшим книгу в родном мне издательстве «Норма» и читающим почасовые лекции в ряде московских учебных заведений; много лет знаю другого советолога, специалиста сравнительного права профессора В. Батлера, создавшего свое учебное заведение в Москве, издающего научный журнал и, наверное, многих не знаю еще, кто «провоцирует» российскую науку на достижения мирового уровня.

Высмеяли меня за поверхностное представление о рынке. Наши профессора, дескать, истину ищут, а не деньги. Они могут получать меньше школьного учителя и это их не заботит, а рынок всегда готов извлечь здесь свою пользу. Пока все держится на энтузиазме отдельных ученых, в правительстве могут спать спокойно.

«Голос единицы тоньше писка»...Что в такой науке, как юриспруденция может сделать одиночка? Есть же научные учреждения, есть учебные заведения, где должна буйствовать научная мысль! Последних сегодня великое множество, но ни одно из коммерческих и мало какое из государственных заявляют о себе как о едином производителе научных знаний. Перед ними ставится такая задача, но имеет ли она перспективу при существующей организации и формах оплаты труда? Похожая ситуация имеет место и с собственно научными учреждениями (хотя труды отдельных ученых, работающих в этих учреждениях, впечатляют). Ни одно из них сегодня, на мой взгляд, не оправдывает тех ожиданий, которые проистекают из факта их создания и статуса. По сути же, никто и не ждет от них глубокого коллективного творчества. А власть, возможно, и не заинтересована в этом, если предположить появление независимого объективистского исследования. Чаще всего учреждения просто технически обслуживают государственные органы. Предомой список 50 научно-исследовательских организаций, чей рейтинг рассчитывался по публикациям за 2007–2011 гг. В нем нет ни одной юридическо-го профиля! А какая научно-исследовательская программа объединяет усилия разных учреждений и отдельных исследователей? Почему нет единого заказчика? И государства здесь нет, как нет его во многих других сферах. Только в коррупционные отношения внедрилось оно в лице видных своих представителей.

И все-таки «писк» отдельных исследователей на юридическом базаре можно услышать. Сегодня составляются рейтинги авто-ров, конкурирующих между собой по числу

	1937–1940 гг.	1941–1945 гг.	1946–1950 гг.	1951–1955 гг.	1956–1960 гг.
Доктора наук	26	26	43	27	31
Кандидаты наук	100	64	243	861	301

ссылок на их произведения. И в одном (не знаю, кем составленном) списке из 50 фамилий на первом месте вижу С.С. Алексеева. Многие уже годы занимает он это место, будучи цитируем и теоретиками, и отраслевиками. Но не вижу в списке, например, академика В.Н. Кудрявцева. Надо ли говорить об известности его исследований в области теории права, уголовного права, криминологии? Уже по одной этой причине закрадываются сомнения в авторитетности списка⁵. И сомнения эти усилятся, если знать, что считается уместным ссылаться на тех, кто сегодня занимает соответствующие должности, кто является экспертом, членом ученого совета, возможным оппонентом и т.д. О какой науке здесь может быть речь! И какова ценность соответствующего списка, в котором учтены публикации за последние годы и фигурируют имена здравствующих ныне лиц, но не приводятся имена тех, чьи работы находятся в орбите современных исследований, хотя и изданы полвека или век назад. Не вернее ли искать науку как раз в трудах, выдержавших испытание временем! Недавно академик Велихов констатировал, что более всего ссылок на его небольшую и самую раннюю статью. Естественники ценят новое и начинают свои исследования с констатации того, что уже открыто. Гуманитариям свойственно скорее (в общей массе) умолчать о достигнутом, дабы возвысить свои успехи. Например, неисчислимы отечественные публикации по правам человека в последние годы, но редко кто ссылается (и может теперь редко, кто из пишущих знает) на статью В.М. Чиквадзе о взаимной ответственности государства и личности. А ведь она была первой в российской науке и определяющей тему в методологическом плане.

⁵ В списке, к большому удивлению, значится имя Лунева Виктора Васильевича (только под номером 19). Я не специалист в его отраслевой науке, но слушал его, знакомился с книгами, знаю об оценке его исследований отечественными и зарубежными экспертами и в поиске науки могу отослать к его трудам без тени сомнения. Он мучительно ищет истину. Убедиться в этом можно при прочтении хлесткой, столь же публицистичной, сколь и научной статьи «Свобода лучше, чем несвобода?» / Государство и право. 2012. №9. С. 13–21.

Однако аксиома остается не опровергнутой: в поиске науки следует искать имена и их фолианты. Именно последние дают основание судить о присутствии или отсутствии науки и, соответственно, присуждать соискателям ученые степени или отказывать в этом. С 2007 по 2012 гг., судя по объявлениям на сайте ВАК, были предъявлены к защите 475 докторских диссертаций по юридическим наукам. Для сравнения хорошо знать, сколько было остепененных на весь СССР. По данным Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР, количество лиц, утвержденных в ученых степенях доктора и кандидата юридических наук, за период 1937–1960 гг. росло следующим образом (см. таблицу).

В 1961 г. Высшая аттестационная комиссия утвердила в ученой степени кандидата юридических наук 56 человек и доктора юридических наук — 8 человек, в 1962 г. соответственно — 54 и 19. В 1960 г. в стране было более 354 тыс. научных работников, занятых в высших учебных заведениях, в научных и других учреждениях. Из них имели ученые степени или звания 135 тыс. человек, или 38% от общего количества. В то же время научных работников в области юридических наук в стране было 2249, из них ученую степень доктора наук имело 105 человек и кандидата наук — 1339 человек, а всего 64,2% от общего количества⁶. Мой аттестат кандидата юридических наук был МЮР №001191 (1968 г.), а докторский — ЮР № 000136 (1978 г.).

Без базара! Надо идти в советы по присуждению ученых степеней и званий, в ВАК, разумеется. Но уже на входе я был огорошен: идут проверки, выясняется, что не все ладно в королевстве датском, что в выборочно проверенных диссертациях до 90% плагиата, есть сомнения в авторстве и пр. Правда, тут же шепнули, что не только у нас, но и в Германии лишают степеней... А что вы хотите, рыночные отношения, извлечение прибыли, а мы тоже европейская страна... Нет, не там ищите, дорогой товарищ!

Долгое время сам был членом ряда диссертационных советов, руководил одним из

⁶ URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1130251>

них, руководил кафедрой и многое знаю не понаслышке. Исследования ведутся чаще всего спонтанно, без должной координации и организации. Если раньше утверждение тем диссертаций требовало решения координационного совета, действующего в пределах СССР, теперь можно избирать тему кандидатской диссертации, по которой написаны десятки работ, в том числе защищена не одна докторская диссертация. Научные руководители часто не являются специалистами в той теме, которая привлекла молодого исследователя. Ему бы поехать туда, где есть своего рода исследовательская школа в избранной области, а он идет к единственному в вузе профессору. Поток информации таков, что стало сложно ориентироваться в новизне. Вся новизна в наименовании работы. Советы по защите диссертаций плодятся, появляются возможности легкой защиты... Вместе с тем диссертация требует денег (официальных и неофициальных). Считается, что написание диссертации — это личное дело диссертанта. Защитившему обе диссертации в советское время (МГУ 1967 и 1977 гг.) это трудно понять, так как в то время исследовательские работы государство обеспечивало и организационно, и материально. Сегодня жить наукой не каждому по средствам. Можно было бы ожидать наведения относительного порядка ВАКом, но перспективы представляются неутешительными. Ее компетенция и наличные силы недостаточны, а надеяться приходится только на нового руководителя, сменившего «рыночника». Как реакция на все происходящее — появление письма чиновника президентской администрации, в котором предлагается фактически обрушить всю систему присуждения ученых степеней и званий.

Коммерциализация науки и свободный рынок научной продукции обнажили многие негативные стороны. Чтобы издать монографию, надо найти спонсора. Но при деньгах можно издавать все и все научные степени становятся доступными. Фундаментальные исследования даже в естественных науках находят поддержку разве что за рубежом, а гуманитарные на это вообще не рассчитывают. Да и где они — фундаментальные? 20 лет назад создан Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ). Указана в числе других такая область знаний, как «Гуманитарные и общественные науки». Кто получил грант? Многие ли труды известных наших юристов изданы на Западе? Достойные условия работы в свое время заставляли многих известных юристов уходить из университетов в милицейские учебные заведения, а

сегодня и те обеднели своими научными кадрами — привлекательней бизнес.

Ученые юристы идентифицируются не столько по ведомственному и учрежденческому признаку, сколько по географическому принципу: московские, свердловские, саратовские, питерские. Последние, на мой взгляд, могут претендовать на первенство как в теоретических, так и в отраслевых исследованиях. Люблю наезжать в Питер. Люблю ледоход на Неве. А теперь еще и по той причине, что трещит и взламывается лед юриспруденции на Сенатской площади. И дело не только в степенях и званиях конституционных судей. Они на передовой исследовательского фронта. Сюда идут не академические запросы, но ответы на них требуют глубоких научных знаний и научного обоснования. Позитивно-правового и естественно-правового. Jus проявляется во всей полноте. Все сколько-нибудь важные проблемы государственно-правовой жизни здесь по необходимости не просто осмысливаются, но и решаются так или иначе. В публичных слушаниях имеют место дискуссии экспертов и специалистов высшего уровня. Решения Конституционного Суда активно вовлекаются в научно-исследовательскую деятельность по всей России. Сами конституционные судьи являются авторами наиболее авторитетных научных трудов. Здесь издается научный журнал. Непосредственно в суде или в городе Конституционный Суд проводит научные форумы. Широкие международные связи судей также имеют исследовательский оттенок. Одним словом, есть нечто мифическое в том, что Фемида берет под свое покровительство поиск научной истины. Есть нечто сакральное в том, чтобы Богиня в этом историческом дворце стояла без повязки на глазах и без меча в руке.

С учетом состава исследовательских кадров и качества продукции, можно сделать вывод, что юридическая наука неоднородна. В самом общем виде позволю себе выделить три разновеликих ее части, каждая из которых претендует на звание науки, но не каждая таковой является в строгом значении этого слова.

Первая часть, возможно, исторически самая древняя, может быть образно поименована «служанкой». Впрочем, таковой она и была на самом деле. Она не только не стремилась к поиску истины, но, напротив, использовала весь наличный инструментарий для увода от истины. В угоду власти имущим, в угоду господствующему взгляду, к собственной выгоде.

Вторую часть, отнюдь не объемную, составляют ничем не обремененные поиски чистой истины по вопросам происхождения и сути государства и права, их назначения, наилучших форм, механизмов и функций. Это научные исследования на самом высоком методологическом уровне с опорой на достижения науки предшествующих эпох. Эта наука не состоит в услужении у кого-либо, преследует собственный интерес, хотя не исключено, что ее результаты будут использованы той или другой социальной силой.

Третья часть самая обширная. Следует рассматривать ее в свете своего рода «социальной алхимии» со всеми теми плюсами и минусами, которые свойственны алхимии вообще. Да, усилия ее тружеников нацелены на творчество, на поиск своего «золота», своего «философского камня», но усилия эти бесплодны. Там, начиная от студента первокурсника, воображают себя способными усвоить истины, не читая книг и не считаясь с мнением «основоположников». В той массе все «марксы». Но те, кто на «мерсах», «умнее» «марксов». А те, кто в «жириновских», — проворнее. Алхимию юридической науки характеризует емкое русское слово «словоблудие».

Не проведя специального исследования, все же рискну предположить, что науку, как в первой, так и во второй ее части, делают менее чем 10% всех занятых в этой сфере. Открытия здесь единичны, «изобретения» редки, преобладают «рационализаторские предложения». Большинство исследователей проводят черновую работу по систематизации юридических знаний, комментированию законодательства и практики, обозрению многочисленных точек зрения и т.д., и т.п. Определенным показателем значимости проводимых исследований является возвращение к их результатам по прошествии времени, востребованность в дальнейших научных поисках. Российская юридическая наука рождалась в российских университетах, в которых первое время преподавали немецкие профессора и потом еще долгое время пропагандировались исследования преимущественно немецких ученых. Только в начале XX в. появились труды отечественных исследователей, претендующие на оригинальность. В настоящее время оригинальными работами в области права являются те, в которых проводятся своего рода реконструкции взглядов плеяды российских профессоров (и теоретиков, и отраслевиков) конца XIX и первой четверти XX в. Через призму истории философии и теории права выявляется юридический концепт современных реалий, постигается реальность права и

правовая реальность, в которую юридическая наука входит в качестве самостоятельной онтологии права⁷.

Наличие оригинальных работ являлось основанием присвоения профессорского звания, а оно, в свою очередь, позволяло возвести ученого в дворянское сословие со всеми существовавшими привилегиями. Судите меня: я против уничтожения сословий, если это сословия ученых; я за привилегии, если они воздаются по уму, а не по идеологическим пристрастиям. Иду возложить цветы к надгробиям тех, кто внес свою лепту в развитие отечественной юридической науки. «Спит в Донском монастыре русское дворянство...». И на Волковом спит... И в Александро-Невской Лавре... «Спит и нас не судит...». Не согласен с поэтом, судит оно нас. Судит, какие мы иваны, как относимся к национальному достоянию. Переиздаем ли их труды, цитируем ли. Да, говорю я упокоившемуся наконец в России Ивану Ильину, десятитомным собранием вышли ваши труды; да, говорю я ему, интегрально мечтавшему о соединении преимуществ авторитаризма и демократизма, входят ваши идеи в правосознание мыслящих. Перемены сегодня в этом отношении заметны. Так, недавно случайно услышал, что в бывшем Казанском им. Ульянова-Ленина университете цивилисты страны проводят конференцию, посвященную памяти Г.Ф. Шершеневича. А ведь полвека назад мне пальчиком грозили, когда я писал о правовых взглядах этого профессора. О времена, о юридическая наука советского времени! Где они, ее служители? Отдельные — в кремлевской стене, другие ..., нет, вряд ли много их на Новодевичьем. По неким подсчетам пятая часть всех имевших отношение к юридической науке в период 1917–1964 гг. (ученые, пропагандисты, организаторы советской юридической науки) — репрессирована и расстреляна.

Сегодня, благодаря стараниям и большой работе профессор В.М. Сырых, мы имеем возможность знать тех, кто представляет отечественную юридическую науку. Издан бесценный труд в нескольких томах «Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий». Замечательный ориентир для тех, кто идет с

⁷ При всех оговорках придерживаюсь традиционных выводов о кумулятивном характере науки (см.: Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. С. 27) и не принимаю современный постпозитивистский взгляд на историю науки как историю заблуждений. Аристотель не заблуждался в определении государства, как не заблуждались и марксисты, отвергая аристотелевские определения.

цветами поклониться выдающимся правоведом, и для тех, кто извлекает из запасников Ленинской библиотеки забытые книги для их тщательного анализа. Они разные и не случайно на некоторых портретах значится: работы «имеют весьма отдаленное отношение к сфере правовой науки» или — публикации «имели чисто идеологический характер и никакого вклада в развитие правовой науки не внесли».

Юридическая наука характеризуется собственными (внутренними) ценностями, принципами, нормами, институтами права и государства, конструктами их рефлексии, логическими конструктами, формулами генетических и семиотических средств управления. В коллаидере юридической науки производится масса идей, взаимные трения и столкновения которых порождают «кварки» отдельных независимых суждений и совокупности, образующие концепции, школы, направления правовой мысли. В особенности это заметно, если искать научную истину в русле истории политических и правовых учений. При этом становится понятно, что наука во многом несет на себе печать времени, во многом определяется соотношением политических сил, состоянием правового сознания в его идеологической части и психологическом наполнении. Жертвенное служение науке имело место во все времена, но оно никогда не было массовым. Поиск науки в конкретно-историческом контексте показывает, что определяющее влияние на содержание и развитие науки имели внешние факторы. Поэтому очевидно: науку нельзя искать в отрыве от тех отношений, которые порождают государство и право, от тех отношений, в которых они проявляют себя, отношений, которые они регулируют.

Право и государственно-правовые институты трудно оценить вне позитивного и негативного опыта реализации заложенных в них теоретических конструкций. Более того, с позиций социологов право надо искать в самих общественных отношениях и в окончательном виде формулирует его суд или администрация. Даже собственно нормативистское направление в праве (континентальная правовая система), если отвлечься от «чистой» теории права Г. Кельзена, понимает источники права в самых разных аспектах, признает общественную (экономическую, политическую, религиозную, моральную) практику как фактор формирования законодательной воли, а судебную практику как непосредственный источник права.

Соображения о внутренних источниках, питающих науку, о связи ее с предметом из-

учения и действием внешних сил заставляют сместить направление (координаты) поиска. На кладбищах побывали, там все спокойненько... А наука рождается в шумных спорах. Конференции проводятся. Не мировые пока, но почти всегда международные (для перехода в разряд мировых рекомендую из университета Дружбы народов стажеров с разных континентов приглашать). Посетил. Шум случается, но не всегда. Часто перепеваются известные идеи, уже опубликованные автором или, хуже, к автору не имеющие отношения. Теоретики не перестают горячиться по поводу понятия права, отраслевика не могут определиться с положением их отрасли в системе права, государствоведы поют дифирамбы демократии — все о своем, все по-своему, вроде бы все о науке и по науке, но где конвенциональность? Между тем она выдвигается сегодня едва ли не как основной критерий научности. О какой конференции, о каком совещании правоведов постперестроечного времени мы можем сказать как о переломном для развития науки? Можно предполагать, что такие форумы были у цивилистов и криминологов, у трудовиков, поскольку новые кодексы увидели свет. Сегодня, наблюдая бесконечные правки фундаментальных нормативных актов, начинаешь сомневаться в их научной проработанности. Наблюдая перманентное изменение норм избирательного права, реформирование системы государственных органов и т.д., и т.п., — убеждаешься, что наука к ним не имеет никакого отношения.

Законы производят и бесконечно правят на Охотном ряду. И там, как вдруг обнаружилось, и кандидаты и доктора наук в большом количестве. Может быть, им и нет необходимости обосновывать свои инициативы ссылками на университетских профессоров (см. стенограммы заседаний)?! Может быть, именно они живут исключительно жизнью законодательства? Заходить не потребовалось. Благодаря трансляциям знаем, что жизнь многих — не жизнь и бытие права, что заботит депутатов больше всего, как бы не обнаружили их не задекларированные квартиры и особняки, как бы Илья Пономарев в прокуратуру не обратился по поводу получения ученых степеней... Впрочем, по крылатой мысли Николая Бердяева, наука живет «на отчуждении человека от бытия», наука «не творчество, а послушание». Более чем думское послушное большинство, найти трудно.

В итоге ловлю себя на губительной для статьи мысли. Ищу науку в познании и устройении государства, в познании права и устройении системы права. Но начинал статью с кон-

статации того, что предпринятый ранее поиск права и поиск государства мало что дал. Circulus vitiosus. Idem per idem. И вновь задаю вопрос о правоте тех, кто не считает право и государство объективной реальией, а видит здесь своего рода социальный конструкт, а поиск перемещает в область виртуальной реальности, где место достоверных истин заменяют образы и символы реальных вещей, где доказательства ad hominem рассчитаны совсем не на строгие ценности науки. Отсюда подвергается сомнению критерий научности исследовательского метода и сама наука не отделяется от мифа, религии и пр.⁸ «Метафизика власти и закона» исключает рациональные подходы. Куда нам плыть?

Библиография:

1. Лазарев В.В. Избранные труды. Т. III. — М.: РИО «Новая юстиция», 2010. — С. 366–381.
2. Пунеев В.В. Свобода лучше, чем несвобода? / Государство и право. — 2012. — № 9. — С. 13–21.
3. Бернал Дж. Наука в истории общества. — М., 1956. — С. 27.
4. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. — СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. — С. 216–236.

References (transliteration):

1. Lazarev V.V. Izbrannyye trudy. T. III. — M.: RIO «Novaya yustitsiya», 2010. — S. 366–381.
2. Puneev V.V. Svoboda luchshe, chem nesvoboda? / Gosudarstvo i pravo. — 2012. — № 9. — S. 13–21.
3. Bernal Dzh. Nauka v istorii obshchestva. — M., 1956. — S. 27.
4. Chestnov I.L. Postklassicheskaya teoriya prava. — SPb.: Izdatel'skiy Dom «Alef-Press», 2012. — S. 216–236.

Материал получен редакцией 24 февраля 2013 г.

⁸ О поисках критериев научности юриспруденции, о метаниях западных идеологов и тупиках, в которые наука попадает, см., напр.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 216–236.